

Павел Олива

(Чехословакия)

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ЭЛЛИНСКОЙ НАРОДНОСТИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Буржуазные историки, стоящие на позициях модернизации древней истории, не различают наций капиталистического общества от народностей древности.

Особенно немецкие буржуазные историки очень любили сравнивать античные условия с современными и утверждать, будто в современной Европе немцы играют ту же роль, что и греки в древнем мире. Подобные «анalogии» можно встретить уже в труде Э. Курциуса, этого восторженного поклонника прусских государей, который в конце прошлого столетия призывал представителей нарождавшегося немецкого империализма брать пример с колониационной деятельности греков¹. Использование древней истории для поддержки империалистических мировоззренческих планов представляло весьма частое явление в гитлеровской Германии. Так, например, в предисловии к нацистской публикации «Das neue Bild der Antike», появившейся в 1942 г., мы встречаем не только пышные фразы о «новом устройстве европейского континента» и об «исторической миссии» немецкого народа, но и ссылки на «расовое родство» германцев с античными народами (Lpz, 1942, стр. 7 сл.). Расистские взгляды Г. Берве, автора этого предисловия, не заглохли с падением немецкого фашизма. Они нашли сильную поддержку. Книги Берве выходят в Западной Германии под патронатом американцев. Вместо идей фашистской «Новой Европы» в них пропагандируются идеи о западной культуре и Европе, объединенной под «охраной» американцев². В американской историографии мы все чаще встречаемся с подчеркиванием превосходства «англо-саксонской расы» и с утверждением, что американская культура восприняла наследие античных греков и римлян. Этот взгляд весьма ярко выражен в вышедшей еще в 1940 г. истории Греции видного американского историка В. К. Прентиса, который сознательно продолжает модернизм Э. Мейера и прямо сравнивает древних греков с современной американской нацией. Древние греки, по его словам, были будто бы «расовой помесью различных народов, перемешанных в котле рас в процессе, напоминающем тот, который ныне происходит в Америке. Главную роль играл в этом

¹ E. Curtius, Die Griechen als Meister der Colonisation, Сб. «Altertum und Gegenwart», III², 1895, стр. 107. Ср. критику этих взглядов в кн.: К. М. Колобова, Из истории ранне-греческого общества, Л., 1951, стр. 145.

² H. Berwe, Gestaltende Kräfte der Antike, München, 1949, стр. 170—187.

смешении индоевропейский элемент, и язык его преобладал в Греции, как английский преобладает в Северной Америке»¹. В том же духе, как книга Прентиса, написана и «История Греции» Ботсфорда и Робинсона, в которой США, страна хищнического империализма, расовой ненависти и политического террора, изображаются как край, где, якобы по образцу древних греков, «создается цивилизация... блаженно-свободная от религиозного и политического гнета»².

Американские историки и не думают решать основные вопросы исторического развития античного общества. Они предпочитают прибегать к поверхностным аналогиям, пользуясь ими для защиты и поддержания пошатнувшегося влаждчества империалистов. Подобная тактика не имеет, конечно, ничего общего с истинной наукой. Задача историка состоит не в выискивании поверхностных аналогий, но в исследовании и определении действительно объективных причин, в раскрытии закономерности исторического процесса.

В статье «Проблема происхождения нации и вопросы древней истории» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 12—28) В. В. Струве правильно подчеркивает, что «в обществах рабовладельческой эпохи элементы, необходимые для создания нации, пребывали в зачаточном состоянии, так как тогда не могли еще зародиться те экономические условия, которые являлись необходимой предпосылкой для сплочения разобщенных территориальных групп древних народов в одно национальное целое... Там мы встречаемся с зачатками общности языка, и общности территории, и общности экономической жизни, и, наконец, общности религии» (ук. соч., стр. 27). В. В. Струве рассматривает в своей работе прежде всего племена и народности древнего Востока, но приводит и ряд фактов из истории греческой народности.

В своей работе я хочу попытаться проследить возникновение и развитие греческой народности и показать некоторые особенности этого развития.

В древнейшем периоде греческой истории остается до сих пор нерешенным ряд вопросов, которые касаются прежде всего отношений между так называемой микенской культурой и древней критской (минойской) культурой³. С этим вопросом тесно связаны и проблемы переселения греческих племен на Балканский полуостров, их взаимных отношений и отношений к первоначальному населению полуострова. Пока эти проблемы не будут с определенностью разрешены, невозможно будет и ясно представить себе картину древнейшего периода греческой истории. Но все-таки эти затруднения не должны служить причиной отказа от изучения проблемы возникновения греческой народности, так как известно, что в истории других древних народностей мы встречаемся с еще большими трудностями. Богатый археологический материал, полученный на Балканском полуострове и в прилегающих областях, и особенно блестящий литературный памятник, так называемые гомеровские поэмы, являются первоклассными источниками для понимания истории греческого общества конца II и начала I тысячелетия до н. э., т. е. в период, не очень отдаленный от начала истории греческих племен на Балканском полуострове.

¹ W. K. Prentice, *The Ancient Greeks*, Princeton, 1940, стр. 3. Ср. рец. В. Н. Ярхо, *Американские фальсификаторы истории афинской демократии*, ВДИ, 1949, № 2, стр. 117—121.

² G. W. Botsford — C. A. Robinson, *Hellenic History*, N. Y., 1948, стр. 2. Ср. рец. Я. А. Ленцмана, ВДИ, 1950, № 2, стр. 197.

³ См. В. В. Струве, *Общественный строй древнего Крита*, ВДИ, 1951, № 4, стр. 43—47, и В. Георгиев, *История Эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей*, ВДИ, 1951, № 4, стр. 48—68.

В гомеровских поэмах мы не находим единого термина, объединяющего всех греков. При перечислении греческих племен, собравшихся под Троей, встречается, правда, термин *Ἕλληνες*, но он объединяет не всех греков, а только жителей северной части Греции, которая позже была названа Фтиотидой (II, II, 683 сл.). В другом месте при том же перечислении греческих племен употребляется для обозначения всех греков выражение *Πανέλληνες καὶ Ἀχαιοὺς* (II, II, 530). Словом *Ἀχαιοί* (ахейцы) в гомеровских поэмах обычно обозначались все стоявшие под стенами Трои греки, ядро которых составляли жители южной Греции. Возможно, что в этом месте термин *Ἀχαιοὺς* употреблен для обозначения всех греческих племен Пелопоннеса, тогда как термин *Πανέλληνες* относится только к племенам северной Греции. Но необходимо подчеркнуть, что в других местах обеих поэм всех греков объединяют термины ахойцы (*Ἀχαιοί*), аргивяне (*Ἀργεῖοι*) и данайцы (*Δαναοί*).

Таким образом, в гомеровское время, т. е. в конце II — начале I тысячелетия до н. э., единого обозначения для всех греков не существовало, и в Илиаде и Одиссее использованы названия, обозначающие в действительности лишь некоторые из важнейших греческих племен. Этим вопросом занимался уже Фукидид. Во введении к своему труду о Пелопоннесской войне, в знаменитой «Археологии», где Фукидид очень кратко рисует картину развития греческой истории вплоть до своего времени, он подчеркивает, что в прежнее время не существовало общего названия для греческих племен. Об этом свидетельствуют прежде всего поэмы Гомера, где встречается термин *Ἕλληνες* только для той части греческого войска, которая подошла к Трое вместе с Ахиллом. Именно потому, что не существовало единого названия для греков, по мнению Фукидида, в поэмах Гомера не говорится о варварах¹.

Фукидид прозорливо заметил что существует взаимная зависимость между обоими названиями — *Ἕλληνες* и *βάρβαροι*, а также подчеркнул, что в гомеровское время и то, и другое слово не существовали. Они не существовали, потому что в то время еще не было греческой народности; только с возникновением рабовладельческого строя и образованием греческой народности возник контраст между греческими завоевателями и колонизованными «варварскими» областями (ср., например, Нег., I, 1).

В гомеровское время уже произошло общественное разделение труда между ремеслом и земледелием. В обеих поэмах мы сталкиваемся с рядом ремесленников (кузнецами, колесниками, плотниками, золотых дел мастерами и др.), но эти ремесленники работали прежде всего для племенной знати — басилеев, а не для обмена. Классовая дифференциация общества еще нашла так далеко, чтобы привести к образованию государства, которое упрочило бы власть нарождавшегося господствующего класса, родовой земельной аристократии, над массой свободных жителей и рабов.

¹ Th u s., I, 3; S t r a b o, XIV, 661. Страбон, полемизируя здесь с Фукидидом, замечает, что в гомеровских поэмах уже говорится об Элладе. Однако его аргументы не убедительны. Гомер употребляет в нескольких местах термин *Ἕλλάς*, но не подразумевает под ним всю Грецию, а лишь часть Греции, находящуюся под властью отца Ахилла Пелея — II, II, 683: *Φθίην ἤδ' Ἕλλάδα*; II, IX, 496: *ἀν' Ἕλλάδα τε Φθίην τε*; ср. и Schol. II, XXI, 194: *ἡ ἀρχαιοτάτη Ἕλλάς περὶ Δωδώνην καὶ Σέλλους ἔκειτο*. В двух местах «Одиссеи» употреблено выражение *Ἕλλάδα καὶ μέσον Ἄργος* (Od., I, 344; XV, 80) для обозначения Греции. Но это выражение свидетельствует также о том, что не существовало общего названия для греков и Греции и что было необходимо для обозначения всех греков или целой Греции пользоваться именем наиболее значительных греческих племен или территории, где они обитали. II Страбон, впрочем, в другом месте, принимает толкование Фукидида (S t r a b o, VIII, 370).

Результатом дальнейшего мощного развития производительных сил в ремесле и земледелии, продолжающегося разделения труда и растущей торговли были углубление классовых противоречий и значительные изменения в общественной структуре греческого общества. Лучше всего можно проследить эти изменения на древнейшей истории Афин, о которой мы имеем больше всего сведений в источниках.

В древнейшее время, о котором мы имеем данные, в Аттике существовал племенной союз четырех ионийских племен: гелеонтов, гошлетов, аргадов и Αἰχιορῆς. Ремесленное производство, в первую очередь керамическое, в Аттике существовало уже в глубокой древности. Об этом свидетельствуют богатые находки дишилонской керамики, обнаруженные не только у дишилонских ворот в Афинах и в близлежащем Керамике, но и в других местах Аттики, особенно в Элевсине и в Мениди. Богатые археологические находки убеждают нас в том, что в Афинах в период с X по VII вв. до н. э. было уже много хороших ремесленников и что здесь уже к этому времени произошло отделение ремесла от земледелия.

С этими археологическими данными согласуется и древняя афинская традиция, зафиксированная у позднейших авторов¹, которая связывает первый шаг к внутренней консолидации племенного союза в Аттике с именем Тесея. На причины, которые привели к так называемому афинскому синойкизму, указывает Энгельс: «Благодаря купле и продаже земельных владений, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемешаться... Это так нарушило нормальное функционирование органов родового строя, что уже в героическую эпоху потребовалось принять меры для устранения этого. Была введена приписываемая Тесею конституция. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, т. е. часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение заседающего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ»².

Таким образом, в Аттике в результате развития производительных сил и классовой дифференциации происходит огромный сдвиг. Одновременно с первым шагом на пути к возникновению рабовладельческого государства, с синойкизмом четырех племен, создается монолитное этническое целое.

«Афинский народ» возник из четырех ионийских племен (фил). С этими ионийскими филами мы встречаемся не только в Аттике, но и в других областях, населенных ионийцами, особенно на западном побережье Малой Азии. О древнейшей истории малоазийских ионийцев очень мало данных. Все-таки имеются письменные известия о существовании четырех фил (гелеонты, гошлеты, аргады и Αἰχιορῆς) в Кизике, милетской колонии, основанной в первой половине VII в.³; имеются данные о существовании таких же фил и в других милетских колониях. Отсюда совершенно ясно, что и в Милете в начале I тысячелетия до н. э. были такие же филы, как и в Аттике. Точно так же нам известны имена ионийских фил

¹ P l u t., Thes., 24; A r i s t., Ath. pol., 41, 2; T h u c., II, 14.

² Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 112.

³ C I G, 3657; Cp. G. B u s o l t, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chae-
toneia, Gotha, 1893, I², стр. 279.

в Эфесе, на Самосе и в других малоазийских ионийских полисах¹. Это обстоятельство свидетельствует о большой близости всех ионийцев между собой и объясняет, почему малоазийские ионийцы никогда не сложились в особую этническую единицу. Не сложилось в самостоятельную этническую группу и население дорийских городов, например, Коринфа, хотя различие между ним и населением Аттики было, несомненно, большим, чем между афинянами и милетцами. Как ни скудны и темны данные источников по истории малоазийских греческих городов и городов на Коринфском перешейке, все же можно не сомневаться, что процесс, подобный афинскому, имел место и в ряде других мест Греции, а именно там, где были предпосылки для быстрого развития производительных сил и возникновения общественных классов. В разных местах Греции возникало города-государства, внутри которых образуется экономическое, политическое, культурное и языковое единство. Одновременно развиваются оживленные экономические и культурные связи между этими развитыми областями Греции и появляется сознание взаимной близости всех греков. Только тогда начинают употребляться термины *Πανελλήνους* и *Ἕλληνας* как обозначение всех греков. Впервые термины *Πανελλήνους* употребляется у Гесиода² и Архилоха³.

Английский историк J. В. Вуру считает, что общее название *Ἕλληνας* для всех греков стало входить в употребление вместе с началом греческой колонизации и что это имя⁴ дали грекам варвары. Вуру прав в том, что общее имя для греков возникло в период греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э., даже в самом ее начале, но все-таки нельзя понимать зависимость между великой греческой колонизацией и возникновением общего обозначения для всех греков механически, т. е. объяснять ее тем, что негреческое население колонизируемых областей называло греков одним именем, и это ускорило распространение использования одного термина для обозначения всех греков. Настоящие причины гораздо глубже. Нужно понять, что греческая колонизация была следствием быстрого развития производительных сил, приведшего к концентрации земли в руках родовой аристократии и к разорению широких масс мелких земледельцев, которые были вынуждены искать себе пропитание за границами своей родины и были в этом поддержаны и аристократами, старавшимися сгладить нарастающие классовые противоречия и устранить опасность насильственных переворотов. Одновременно богатеющие владельцы ремесленных мастерских и торговцы искали, с одной стороны, рынка сбыта для увеличивающейся продукции, а с другой — источников сырья и прежде всего рабов⁵.

Наряду с производством для непосредственного потребления начинает в связи с развитием рабовладения появляться и производство, рассчитанное на продажу, — производство товаров. Завязываются прочные отношения между отдельными полисами, а также между эллинами и окружающими

¹ Вопрос об ионийских филах подробнее рассматривается в кн. П. О л и в а, Ранняя греческая тирания (печатается).

² H e s., Op., 528: βράδιον δὲ Πανελλήνοισσι φαεῖνει: ср. Op., 653: Ἑλλάδος ἐξ ἱερῆς Τροίην ἐς καλλιγύναικα.

³ A r c h i l., fr. 54 (D i e h l) = S t r a b o, VIII, 370: ὡς Πανελλήνων οἰξός ἐς θίσσον συνέδραμεν.

⁴ J. В. В у р у, A History of Greece to the Death of Alexander the Great, L., 1902, I, стр. 109 сл.

⁵ О греческой колонизации и ее причинах см.: А. А. Н е с с е н, Греческая колонизация Северного Черноморья, Л., 1947 стр. 50 сл.; К. М. К о л о б о в а, К истории вопроса о греческой колонизации, ВДИ, 1949, № 2, стр. 124—131; о н а ж е, Из истории ранне-греческого общества, Л., 1951, стр. 143 сл.

ми неэллинскими областями. Так, возникновение рабовладельческого классового общества и формирование первых государств на территории Греции ликвидируют старую племенную раздробленность и ведут к образованию эллинской народности¹.

Чем характеризовалась эллинская народность, образовавшаяся в период развивающегося рабовладельческого строя? Как известно, в докапиталистический период не было условий для формирования наций. Но зачаточные элементы нации создавались постепенно еще в период докапиталистический, начиная со времени возникновения рабовладельческого строя.

Древнегреческий язык был единым в своих основных чертах, т. е. в грамматическом строе речи и запасе слов, но он распадался на несколько диалектов. Необходимо подчеркнуть, что именно в период образования эллинской народности из греческих диалектов самых передовых областей (ионийского в Малой Азии, дорийского на Пелопоннесе, эолийского на Лесбосе, а позднее и аттического) образовались литературные (письменные) языки. Это было прогрессом по сравнению с предшествующим периодом².

Эллины жили на территории, занимающей приблизительно южную часть Балканского полуострова до гористых областей в северной Фессалии и Эпире, острова Эгейского моря, западное побережье Малой Азии, а затем и прилегающие области на востоке и западе. Эта территория составляла определенное целое по отношению к остальному «варварскому» населению. При всем этом эллинская территория не была единой. Некоторые области отставали в своем развитии, переживали еще только высший этап первобытно-общинного строя и представляли собой замкнутое целое племен и племенных союзов. Так было в северной Греции, в западных областях Средней Греции и в горных частях Пелопоннеса. Напротив, в более развитых частях страны образовались города-государства, подобные афинскому. Эти города-государства представляли собой тоже замкнутое целое, отделенное от остального мира. Территория Греции, несмотря на то, что представляла собой определенное целое, была разбита на ряд мелких городов-государств и племенных земель.

Можно ли говорить об экономическом единстве Греции в этот период? На примере истории Афин мы видели, что возникновение мелких городов-государств было результатом прогрессирующего разделения труда и классовобразования; эти города-государства представляли собой экономически единое целое. Мы уже подчеркивали, что одновременно завязывались оживленные хозяйственные отношения между развитыми областями Греции и между материнскими городами и их колониями.

Широко развивалась торговля. Археологические находки и литературные источники свидетельствуют о возрастающем вывозе товаров из круп-

¹ Характерно, что одновременно с возникновением общего обозначения для всех эллинов начинает появляться и слово βάρβαρος — термин, относящийся к жителям неэллинской территории. С. А. Жебелев подчеркивает, что глубокий контраст между двумя мирами, миром «варваров» и миром античной рабовладельческой цивилизации, совпадает с линией классового антагонизма. Ср. ВДИ, 1950, № 3, стр. 120. У позднейших эллинистических авторов βάρβαρος означает необразованного, отсталого человека, а Ἑλλάδα — культурного, ср. I s o c r., 4,50 :...μῆλλον Ἑλλάδας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδεύσεως τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας; S u i d.: Ἑλλήν· φρονιμὸς; H e s y c h.: Ἑλλήνας· οἱ ἀπὸ τοῦ Ἑλλήνος, τοῦ Δίος ἢ φρονιμοί, ἤτοι σοφοί.

² Мы не имеем данных о том, на каком языке говорили, например, ионийские племена в Аттике перед синоикизмом. Возможно, что ионийские филы (племена) когда-то говорили (хотя бы отчасти) на различных диалектах. Ср. Ф. Э п г е л ь с, Происхождение семьи..., 1950, стр. 93; ср. стр. 106.

ных экономических центров, какими были, например, Милет, Самос, Родос, Коринф, Митилена на Лесбосе, а в VI в. и Афины. Изделия вывозятся как в колонии, так и в разные места собственно греческих областей. Отдельные полисы завоевывают себе первенство в определенных видах ремесленного и сельскохозяйственного производства. Из Коринфа вывозятся керамика и металлические орудия, из Милета — керамика и ткани, с Лесбоса — вино и металлическая посуда, из Афин — главным образом оливковое масло и керамика. Одновременно происходит и заимствование друг у друга производственного опыта. У Фукидида находим известие, что коринфянин Аминокл в конце VIII в. до н. э. построил для жителей Самоса четыре корабля (I, 13). Самосский тиран Поликрат во второй половине VI в. развел на острове овец, привезенных из Милета, славившегося изделием шерстяных тканей (Athén., XII, 540d). На Самосе и в Афинах в это же время был построен водопровод, и в обоих случаях при постройке был, очевидно, использован опыт Мегар, относящийся еще ко второй половине VII в.¹ На развитие керамического производства в Афинах VI в. имел большое влияние опыт, приобретенный аттическими мастерами от ремесленников из других греческих полисов, которые поселились в Афинах (Plut., Sol., 24).

О развитии греческой торговли в VII и VI вв. свидетельствует и возникновение металлических денег. При этом симптоматично, что деньги появляются почти одновременно и, очевидно, до известной степени самостоятельно в двух самых значительных центрах архаической Греции — в области западного побережья Малой Азии и в области Коринфского перешейка².

Было бы, однако, большой ошибкой переоценивать значение этих торговых связей. Торговля ограничивалась главным образом предметами роскоши, тогда как предметы ежедневного обихода производились попрежнему на местах. Дело еще далеко не дошло и не могло при том уровне развития производительных сил дойти до образования общего для всей Греции рынка. Значительная часть Греции оставалась вообще за рамками экономических сношений между городами-государствами, торговля с колониями была незначительна. Характерной чертой рабовладельческих городов-государств древней Греции была их автаркия, натуральный характер их хозяйства.

В связи с возникновением первых городов-государств в Греции произошли изменения и в области культуры. Эллинская мифология отличала эллинов, как единое целое, от соседних племен и народностей, но, несмотря на известное сходство и единство, которое было укреплено особенно поэмами Гомера и «Теогонией» Гесиода, отдельные греческие города имели своих собственных богов и свои собственные мифы. Возникновение единой греческой мифологии, создание общих святынь и регулярных общегреческих (панэллинских) торжеств при этих святынях (в Олимпии, Дельфах и др.) были шагом вперед к образованию единой общегреческой культуры. В архаической Греции достигает широкого развития и литература. Заканчивается процесс формирования больших эпических поэм и появляются мастерские произведения греческой лирики. Гомеровские поэмы стали достоянием всех греков и пелись не только на своей родине, в области Малой Азии, но и в дорийских полисах на

¹ — еродоту (III, 60), водопровод на Самосе построил мегарец Эвпалин. Сходство между мегарским водопроводом и афинской постройкой см. J. S o n, Primitive Athens, Cambridge, 1906, стр. 120 сл.

² А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, Л., 1951, стр. 24.

северо-востоке Пелопоннеса и в Афинах¹. Равным же образом распространяются по всей Греции и стихи лирических поэтов. Так, например, создатель дифирамба Арион из Мефимны на Лесбосе жил (на рубеже VII и VI вв.) при дворе коринфского тирана Периандра и ездил в греческие колонии в Италии (Her., I, 23 сл.). Другой выдающийся греческий поэт, Анакреонт, покинул свой родной Теос, когда последний был взят персами, и жил сначала при дворе самосского тирана, а после — у сыновей Писистрата в Афинах².

Точно так же обстояло дело и с изобразительным искусством. Известно, что в архаическое время в различных греческих полисах возникли скульптурные школы с определенным своеобразным стилем. Разнообразие отдельных греческих школ особенно ярко выражается в сохранившихся памятниках дельфийского святилища. В то же время и скульпторы постепенно знакомятся с лучшими произведениями из других полисов, и не раз бывало, что знаменитых мастеров приглашали в места, сравнительно отдаленные от их родины. Так, например, знаменитый самосский художник Феодор работал приблизительно в середине VI в. в Спарте, а аргейский мастер Канах сделал статую Аполлона в малоазиатском Милете³.

Но тенденция к образованию единой общегреческой культуры была поверхностной и не смогла стереть особенностей отдельных самостоятельных городов. Особенные местные культы и художественные традиции продолжают держаться и далее в отдельных областях.

Эллинская народность, которая образовалась одновременно с возникновением первых государств в Греции, характеризуется, следовательно, некоторой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры. Однако эта общность, возникающая в связи с классовым расслоением общества, была далеко не безусловной: как по языку, так и по территории, экономике и культуре отдельные области продолжали сохранять относительную самостоятельность.

Греческая народность образовалась в архаический период, т. е. в то время, когда рабовладение было еще в зачатке и главная тяжесть работы ложилась на свободных земледельцев и ремесленников. Но на этой ступени развития греческое общество не остановилось. Выше уже говорилось, что в VIII—VI в. до н. э. начинается широкая колонизационная деятельность греков. Торговые отношения с новыми областями способствовали дальнейшему развитию земледелия и ремесла в материнских городах. Вывоз оливкового масла, вина и художественных изделий всякого рода, ввоз рабов и сырья повлияли на развитие материнских городов. Города, основавшие колонии, бурно развивались. К VII в. до н. э. начинается расцвет прежде всего ионийских городов на западном побережье Малой Азии (Милет и Эфес) и дорийских городов на Коринфском перешейке (Коринф, Мегара, Сикион). Расцвету этих городов способствовало их выгодное положение на главнейших торговых путях, которые соединяли, с одной стороны, Грецию с развитыми землями древнего Востока, а с другой — восточную часть Средиземноморья с западной и Пелопоннес — с северной и средней Грецией. С развитием производства в этих полисах обостряются классовые противоречия между усиливающимися с ростом рабовладения и торговли владельцами ремесленных мастерских и торговцами, с одной стороны, и родовой земельной аристократией — с другой. Их борьба породила так называемую раннюю греческую тиранию, которая

¹ Her., V, §67; Ael., VH, XIII, 14.

² Her., III, 24; Strabo, XIV, 638; P l a t o, Hipp., 228 C; Charm., 157 E.

³ J. F r e i l, P o č á t k y ř e č k é h o s o c h a ř s t v í, Praha, 1951, стр. 43.

нанесла решительный удар родовой земельной аристократии и открыла дорогу дальнейшему развитию. Тирания способствовала развитию в наиболее передовых греческих полисах классического рабовладельческого общества и конечному формированию развитых рабовладельческих государств.

Спустя несколько десятилетий тот же путь развития проходили и Афины. Выше упоминалось, что, начиная с периода так называемой конституции Тесея, в Аттике преобладали землевладельцы-эвпатриды и что родовые филы вследствие синойкизма утратили свои старые функции и стали простым орудием правящих эвпатридов. Положение мелких землевладельцев неуклонно ухудшалось, так как лучшие земли находились в руках эвпатридов, которые все чаще и чаще использовали труд рабов и свободных работников, фегов. Эвпатриды переходили от возделывания зерновых культур к более выгодным масличным культурам и виноградарству. Мелкие землевладельцы не имели средств для того, чтобы вести интенсивное хозяйство, и в неурожайные годы должны были полагаться на милость аристократов-землевладельцев, которые пользовались благоприятным для них положением и увеличивали свои земельные владения за счет задолжавших или обедневших мелких землевладельцев. Положение в Афинах в VII в. до н. э. прекрасно рисует Аристотель: «...и работали бедняки на богатых и сами, и дети, и жены; и назывались батраками (*πελάται*) и шестидольниками (*ἑκτρήριοι*), потому что за такое вознаграждение обрабатывали поле богатых; вся же земля была собственностью нескольких. А если не отработывали аренду, становились рабами и сами и их дети» (*Ath. pol.*, 2). Понятно, что такое положение значительно обостряло классовые противоречия в Аттике, и ясно, что эвпатриды пытались устранить опасность, которая грозила им со стороны народа. Это привело к кодификации права (законы Драконта) и затем к так называемому законодательству Солона. Всею этому способствовало, кроме страха эвпатридов перед растущим недовольством трудящихся, еще одно обстоятельство. Одновременно с развитием земледелия развивалось и ремесло, особенно производство орудий и керамики, в которых нуждалось все возрастающее производство земледельческих продуктов, прежде всего масла и вина. Археологические данные говорят о том, что в конце VII в. быстро растет производство керамики в Аттике, которая вскоре догоняет и перегоняет керамику коринфскую¹. Ясно, что в этот период возросла экономическая сила афинских ремесленников и что они принимали в какой-то мере участие в развивающейся торговле. Часть эвпатридов также занималась торговлей, прежде всего те, которые имели меньшие наделы земли. Так постепенно в Афинах выделялась группа ремесленников и торговцев, которые быстро богатели. Укрепив свои экономические позиции, они начали борьбу за власть с родовой земельной аристократией. Эта борьба длилась в Афинах все VI столетие до н. э. — от реформ Солона через тиранию Писистрата, которая сломала преобладание эвпатридов, до реформ Клизфена. Результатом законов Клизфена было окончательное уничтожение в конце VI в. до н. э. родовых ионийских фил, которые были последним оружием в руках эвпатридов, и были заложены прочные основы афинской рабовладельческой демократии. Долговременная борьба закончилась поражением аристократов и победой афинского народа. Но плоды этой победы достались экономически сильным собственникам ремесленных мастерских и торговцам. Происхождение

¹ Н. Р а у н е, *Necrocorinthia*, Oxf., 1931, стр. 343—347. Ср. E. P f u h l, *Malerei und Zeichnung der Griechen*, München, 1923, I, стр. 121.

ние в Афинах перестало быть решающим фактором, его место заняли деньги.

В V в. до н. э. наблюдается могучий экономический, политический и культурный подъем Афин. После Греко-персидских войн был образован в 478 г. так называемый Делосский морской союз, в котором фактически с самого начала преобладали Афины. Этот союз постепенно превратился в настоящую афинскую державу, в которой Афины овладели значительной частью территории своих «союзников». Афины оттеснили малоазийские города и города Коринфского перешейка, овладели значительной частью греческой продукции и торговли. В Афинах были сосредоточены огромные массы рабов, Афины становились экономическим центром всей Греции.

Одновременно Афины становились и культурным центром Греции. Афинский акрополь был украшен во времена Перикла блестящими художественными памятниками, которые свидетельствовали о высшей ступени развития греческой скульптуры, живописи и архитектуры. Развивалась и литература, прежде всего драматургия. Все три великие эллинские драматурга жили и работали в Афинах во времена их наивысшего расцвета. К концу V и началу IV в. относятся выдающиеся произведения греческой прозы, прежде всего труды Фукидида и Ксенофонта. В Афинах же были созданы знаменитые философские школы, представители которых определили идеологические направления, характеризующие высший период классического рабовладельческого строя в Греции. Демосфен характеризовал время гегемонии Афин как время наивысшего расцвета Греции: «Наши предки владели Грецией 45 лет, внесли на акрополь больше 10 000 талантов; подчинялся им и владыка той земли, как подчиняются варвары грекам. Они одержали много побед, как на суше, так и на море, в войнах, которые сами вели, и единственные из людей завосвали себе славу, которая была выше зависти» (III, 24).

Не случайно, что в Греции в период наивысшего ее расцвета образовался экономический и культурный центр — Афины. Во втором томе «Капитала», в главе о простом воспроизводстве, Маркс подчеркивает, что «...и система рабства, — насколько она представляет собою господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»¹. Рабовладельческий строй, следовательно, не воспроизводит свою рабочую силу внутри своей экономики, как строй феодальный и капиталистический, но его существование непосредственно обусловлено непрерывным пополнением новой рабской рабочей силы извне.

Расцвет классического рабовладельческого способа производства в Греции был возможен потому, что развитые греческие города-государства эксплуатировали большие соседние территории, оживленно торговали с ними и вывозили отсюда прежде всего рабочую силу. Развитие классических рабовладельческих отношений в VII и VI вв. наблюдалось лишь в некоторых областях Греции. Возникшие в этих областях центры классического рабовладельческого строя вели упорную

¹ К. Маркс. Капитал. т. II. Госполитиздат. 1951. стр. 480.

борьбу за экономическое и политическое преобладание, гегемонию в Греции¹.

В этой борьбе победили Афины, которые сделали действительно экономическим, политическим и культурным центром эллинского мира. Одновременно аттический диалект становится в это время главным греческим литературным языком, оттеснив остальные греческие наречия. Аттический язык становится языком греческой прозы и греческой драмы. Аттический диалект удержал свое значение и в эллинистическое время, когда он стал основой общегреческого языка (так называемого κοινῆ), который сделался языком, объединяющим весь эллинистический мир. При этом, однако, попрежнему удерживались и местные диалекты отдельных областей.

Развитие эллинской народности, происходившее с развитием классического рабовладельческого строя, сказалось в том, что Афины стали центром всей Эллады, подчинили себе значительную часть ее территории, упрочили экономические связи внутри этой территории (афинская ἀρχή), сделали центром эллинской культуры². Но помимо афинского государства, в Греции существовал целый ряд развитых городов-государств, не только самостоятельных в экономическом, политическом и культурном отношении, но и старавшихся уничтожить афинскую гегемонию. В блестящей речи, произнесенной представителем Коринфа на собрании Пелопоннесского союза, показан тот отпор, который встречала афинская гегемония. Коринфяне призывали к борьбе против Афин: «Нужно покорить этот город, который стал тираном в Элладе, нужно понять, что он встал против всех, одних уже покорил, других собирается покорить. Так сохраним же свою безопасность в будущем и освободим тех греков, которые сейчас поработены!» (Thuc., I, 124).

Ограниченные рамки рабовладельческого общества мешали более тесной консолидации греческой народности вокруг Афин, и в борьбе, развернувшейся в конце V в. между афинским государством и Пелопоннесским союзом, Афины вынуждены были отступить перед своими противниками.

Период процветания классического рабовладельческого строя в Греции кончился, и настал период кризиса, завершившийся покорением Греции Македонией и возникновением так называемого эллинизма, когда Греция, и, прежде всего, Афины перестают быть средоточием восточной части Средиземноморья. В период эллинизма эллинская народность вступает в новую стадию своего развития. Историю греческой народности эллинистического периода нельзя изучать в отрыве от истории различных народностей древнего Востока. Эту сложную задачу нельзя решить в рамках настоящей статьи, и поэтому мы ограничиваем свое рассмотрение лишь архаическим и классическим периодами греческой истории.

Подведем итог нашим выводам. Эллинская народность формировалась в зависимости от усиливающейся классовой дифференциации и возникновения первых государств в Греции. В самых развитых областях на месте простого союза соседних племен возникает новое экономическое, полити-

¹ Особое место в этой борьбе занимала дорийская Спарта, которая сохранила военное превосходство в Пелопоннесском союзе благодаря особой структуре своего государства, угнетающего массы бесправных илотов. Однако в экономическом отношении Спарта не играла ведущей роли в греческом мире. В борьбе за рынок главным соперником Афин были прежде всего экономически сильные города на северо-востоке Пелопоннеса, особенно Коринф.

² Центральное положение Афин в Греции метко характеризуют слова Ἐλλὰδος Ἐλλάς Ἀθῆναι — «Афины — это Греция Греции» (Ath., 5, 187 d [Thuc.]; Diehl, I, 28).

ческое и, очевидно, языковое объединение, как мы это могли проследить на истории афинского синойкизма. В это время мы впервые встречаемся в наших источниках с термином Ἑλλήνες (Πανέλληνες), объединяющим всех греков в отличие от окружающего негреческого, «варварского», населения. Но несмотря на то, что термин Ἑλλήνες (Πανέλληνες) уже обозначал всех эллинов, существовали отдельные центры эллинской народности в тех областях, которые стояли во главе экономического и культурного развития Греции. С развитием производительных сил в этих наиболее развитых полисах Греции (в малоазийских городах, на некоторых островах, на Коринфском перешейке и в Афинах) углубляются классовые противоречия между родовой аристократией и народом, а из богатейших ремесленников и торговцев консолидируется класс рабовладельцев. Греческая колонизация VIII—VI вв. ускорила это развитие, и в течение VII—VI вв. до н. э. в этих развитых частях Греции развернулась классовая борьба, которая закончилась поражением родовой аристократии и победой народа. Плоды же этой победы достались прежде всего богатым рабовладельцам. Патриархальное рабовладение сменилось в этих полисах развитыми рабовладельческими отношениями. Закачивается процесс возникновения развитых рабовладельческих городов-государств. В VII в. до н. э. самыми развитыми областями Греции были малоазийские города (особенно Милет) и города на Коринфском перешейке (особенно Коринф), а в VI в. и Афины, которые в течение V в. до н. э. стали бесспорным экономическим, культурным, а в известной степени и языковым центром всей Греции. Было уже указано на то, что закономерности развития рабовладельческого строя ярко проявились и в развитии греческой народности. Развитие классического рабовладельческого строя обусловило образование одного центра, который неустанно распространял свою власть на соседние области, увеличивал свою территорию, втягивал в орбиту своей культуры и экономики соседние области. Диалект этого центра становится главным языком народности. Но при всем этом развитие ограничивается рамками рабовладельческого строя, дело так и не доходит до образования единого языка, территории, экономики и культуры, были созданы лишь предварительные условия для образования нации в будущем в период капитализма.

